

Нужны ли молодые актеры театру?

В данном случае вопрос стоит именно так, хотя верится с трудом.

Четырнадцать парней и девушек заканчивают обучение в национальной бурятской актерской студии в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии имени Н. К. Черкасова и по получении диплома должны выехать домой в Улан-Удэ. Но там их, как оказалось, принять не готовы. И это при том, что идея создания национальной студии в Ленинграде исходила от самого театра.

Впрочем, брать их не отказываются и даже обещают поселить на первых порах в гостинице. Однако дальнейшие перспективы туманны. Нет даже возможности сразу начать играть. Такой возможностью стали бы дипломные спектакли студии «Принцесса Турандот» и «Жестокый век» по роману И. Калашникова. Эти спектакли были показаны ленинградцам, заслужили симпатии зрителей на фестивале дипломных спектаклей в Москве. Но, пришедшие воспитанникам старшего педагога ЛГИТМИКа В. Петрова самые лестные отзывы, эти работы не понадобились единственной сцене, для которой, собственно, и были поставлены — Бурятскому академическому театру драмы имени Хоца Намсараева. Причин названо несколько. Главная, как утверждает театр, в том, что спектакли идут на русском языке и приспособлены к иной сценической площадке.

Здесь необходимо небольшое отступление. Тот факт, что национальная студия за все годы обучения не выпустила ни одного спектакля на родном языке, конечно же, недопустим. Чей тут просчет — Ленинградского института или самой республики, не оказавшей ему своевременной помощи в педагогах по родному для студийцев языку? Нам судить об этом трудно. Наверное, стоит особо обратиться к проблеме обучения национальных студий в центральных вузах страны.

Пока же, возвращаясь к нашему вопросу, скажем: бурятская студия талантлива, хорошо обучена, сплочена. К тому же ленинградские педагоги готовы выехать в Бурятию, помочь с переводом текстов, готовы приспособить спектакли к условиям местной сцены. К чему же столь категоричное «нет» со стороны театра? Впрочем, театр «со скрипом» дал согласие лишь на то, чтобы выпускники (на курсе Петрова, кроме упомянутых четырнадцати ребят, есть одиннадцать русских студентов) приехали в Улан-Удэ и сыграли несколько спектаклей. На этом «Принцесса Турандот» и «Жестокый век» должны были закончить свое существование. Выбирать не приходилось, и ребята согласились. Из Улан-Удэ пришла телефонограмма, предупреждавшая, что ребята примут на ограниченный срок, на три-четыре дня. Есть ли смысл ехать через всю страну ради двух-трех спектаклей? Согласились бы они и на это, если бы театр выслал деньги на

расходы, как было обещано. Но и этого не произошло.

Обидело и другое. Приезжали в Ленинград директор театра Ц. Пурбуев и главный режиссер В. Кондратьев, как было объявлено, по делам студии. Посмотрели «Жестокый век», в кулуарах высказали свое мнение о спектакле, но ни встретиться, ни поговорить с ребятами не соизволили. В разговоре с педагогами курса дали понять, что студийцы по прибытии в театр должны будут подчиниться общей установке. И, разбившись на три группы, присоединиться к трем труппам, существующим внутри коллектива. (В театре издавна существует разделение на три труппы в целях «разумного и экономного» обслуживания публики в период летних гастролей). Значит, никакой совместной работы студийцев над собственными спектаклями не предвидится? Значит, молодые актеры забудут в скором времени о ленинградской школе, о студийных методах работы над спектаклем?.. Обидно думать об этом.

Проработав один лишь год с этими студентами, я имела возможность убедиться в их немалых способностях, их прекрасных человеческих качествах. Они одержимы желанием творить. Воспе не обязательно прунчать их и «трудностям творческой жизни» столь неблагоприятным способом, демонстрируя элементарную черствость и невнимательность. Смею надеяться, что ребята этой студии — будущее Бурятского театра.

Б. ДИМБРИЛОВА.
ЛЕНИНГРАД.